

УДК 343.2(477)

DOI: <https://doi.org/10.18524/2411-2054.2021.42.232439>

О. А. Чуваков, докт. юрид. наук, профессор, заведующий кафедры
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
Кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Французский бульвар, 24/26, Одесса, 65058, Украина
e-mail: olehchuvakov@gmail.com
ORCID: orcid.org/0000-0001-9983-8943

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КВАЛИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье исследованы проблемные вопросы квалификации преступлений против государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны. Констатируется, что законодательство рассматриваемого периода характеризовалось признаками чрезвычайного законодательства – законодательства военного времени, в связи, с чем многие нормативные предписания носили временный характер – действовали лишь на период войны. Аргументируется, что в исследуемом периоде широко применяется практика криминализации административных правонарушений и дисциплинарных проступков, чем были установлены новые форматы в оценке общественно-опасных деяний направленных против безопасности государства.

Ключевые слова: законодательство, преступления, уголовная ответственность, боевые действия, военное положение, война, государственная безопасность, квалификация, измена Родине.

Постановка проблемы. Уголовное законодательство рассматриваемого периода, в части методики трансформации преступлений против государства, приобретает целый ряд отличительных характеристик и устанавливает новые форматы в оценке общественно-опасных деяний направленных против безопасности государства. Так, в указанный период происходит становление новых видов преступных деяний, влекущих уголовную ответственность, а также широко практикуется криминализация административных правонарушений и дисциплинарных проступков. Кроме этого, очевидным представляется усиление мер уголовной репрессии (путем ужесточения санкций) по имеющимся составам преступлений.

Обращает на себя внимание также нечеткость и неопределенность уголовно-правовых норм, несоразмерность наказаний тяжести совершенных деяний. Как правило, чрезвычайные нормативно-правовые акты не содержали конкретного состава преступления, а выражали его в абстрактной форме и определяли лишь объект преступления (например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение во время войны ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения») [1]. Подобная неопределенность правового регулирования усложняла процесс квалификации общественно опасных деяний. Нормативными предписаниями данного периода, в большинстве случаев, не определялась виновность субъекта преступления. Лицо, подозреваемое в совершении преступления, подлежало ответственности независимо от того, в чем выражалась его субъективная сторона и содержалась ли в ней его вина. Данное обстоятельство подтверждалась практикой привлечения к уголовной ответственности членов семей обвиняемого.

Анализ последних исследований и публикаций. Подобная проблематика в части исследования вопросов уголовно-правовой охраны государственной безопасности рассматривалась в трудах таких отечественных исследователей как Г.З. Анашкина, А.Ф. Бантишева, В.А. Глушкова, С.В. Дьякова, Л.Д. Ермаковой, В.П. Емельянова, А.Н. Костенко, В.А. Липкана, М.И. Мельника, В.А. Навроцкого, Е.Д. Скулиша, А.С. Сотула, Е.Л. Стрельцова, В.Я. Тация, М.И. Хавронюка и др. При этом следует

отметить, что в отечественной уголовно-правовой науке отсутствуют комплексные сравнительно-правовые исследования проблем квалификации государственных преступлений в чрезвычайный период – в период военного времени, что констатирует необходимость детального исследования указанной проблемы.

Цель статьи. В силу представленных положений возникает объективная необходимость в установлении критериев, которые во многом определяли специфику и сущность процесса квалификации государственных преступлений в условиях военного времени – в контексте чрезвычайного законодательства.

Изложение основного материала. С момента начала Великой Отечественной войны противодействие государственным преступлениям осуществлялось посредством применения норм Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления) от 1927 года [2], а также посредством применения целого ряда нормативно-правовых актов военного времени, например, Указа Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 г. [3], «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» от 6 июля 1941 г. [1], «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» от 15 ноября 1943 г. [4] и многих других правовых актов.

Большая часть нормативных предписаний принималась и вводилась Президиумом Верховного Совета СССР, Советом Народных Комиссаров, Наркоматами обороны, юстиции, Прокуратурой СССР, а также Государственным комитетом обороны (ГКО) [5, с. 41].

В начальный период Великой Отечественной войны наблюдается существенное усиление карательной политики, причем данное обстоятельство в большей степени выражено в районах активных боевых действий. Указанное обстоятельство находило свое логическое подтверждение в комплексе принятых решений чрезвычайным органом того периода – Государственным Комитетом Обороны, который фактически дублировал функционирование таких действующих конституционных органов, как Верховный Совет СССР и Президиум Верховного Совета СССР. Такое обстоятельство объясняется особым статусом, которым был наделен ГКО как временный, чрезвычайный орган власти и управления. Следует отметить, что в ГКО была сосредоточена «вся полнота власти в государстве» – в соответствии со ст. 2 указанного постановления о создании ГКО. В истории существования СССР никогда ранее не функционировал орган с такими неограниченными полномочиями, не предусмотренными Конституцией СССР, а его постановления имели силу законов военного времени. Причем все государственные учреждения, военные и общественные организации, граждане СССР строго обязаны были выполнять постановления и распоряжения ГКО.

При возникающей необходимости в ГКО образовывались специальные комитеты и комиссии. В 1941–1942 гг. ГКО были созданы местные прифронтовые чрезвычайные органы – городские комитеты обороны. Такие комитеты были созданы в Туле, Ростове, Сталинграде, Воронеже, Одессе, Севастополе, – в общей сложности более чем в 60 городах.

Данное обстоятельство, безусловно, не соответствовало существующей правовой доктрине советского государства, согласно которой уголовная ответственность за государственные и воинские преступления, регламентировалась только действующим уголовным законодательством. Но, тем не менее, подавляющее большинство нормативно-правовых предписаний рассматриваемого периода, составляющие основу карательной политики СССР, опиралось во многом на действующее уголовное законодательство, доказательством чего является сохранение в неизменном виде составов преступлений против государства.

Самыми распространенными особо опасными государственными преступлениями данного периода были: измена Родине (ст. 58–1, п. п. «а» и «б» УК РСФСР), шпионаж (ст. 58–6 УК РСФСР), а также пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти (ст. 58–10 УК РСФСР) [6, с. 2]. Так,

рассматривая практику квалификации преступлений против государства, в целом, наблюдается отступление от основных принципов уголовного права. Например, диспозиция ст. 58 УК РСФСР определяла наличие в деянии субъекта преступления призывов к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению другого контрреволюционного преступления. Однако, правоприменительная практика необоснованно расширяла такое толкование. В итоге, военных и гражданских лиц привлекали к уголовной ответственности за беседы, в которых они сравнивали характеристики советского и немецкого оружия и боевой техники, сравнивали уровень жизни людей до революции и после, обсуждали уровень снабжения советской армии продовольствием и обмундированием и т.п. Причем, большая часть военнослужащих и гражданских лиц было привлечено к уголовной ответственности в период войны по ст. 58–10 УК РСФСР. Следует отметить, что определенная часть из них была даже приговорена к расстрелу в силу вынесения неправосудных приговоров военными трибуналами. Такие приговоры выносились, например, за то, что солдаты зачитывали вражеские листовки, найденные на полях сражения или за то, что использовали эти листовки для изготовления сигарет.

Порядка половины всех уголовных дел данной категории в отношении военнослужащих рассматривались военным трибуналом либо внесудебным органом по п. «б» ст. 58–1 УК РСФСР а в отношении гражданских лиц – по п. «а» указанной статьи. Как, отмечалось ранее, распространенность данного преступления совсем не означает, что красноармейцы массово совершали действия, квалифицируемые, как измена Родине. В данном случае речь идет о том, что такая практика искусственно завышалась правоприменительными органами в силу незаконного привлечения к уголовной ответственности военнослужащих и гражданских лиц, которые, как правило, не по своей воле оставались на захваченной фашистами территории или оказались у них в плену.

По приговору военного трибунала 56-й Армии от 16 марта 1942 г. за измену Родине был осужден и подвергнут расстрелу рядовой П.И. Павленко. Его вина, как это констатировал суд, заключалась в том, что, имея винтовку и несколько боевых патронов, он и трое из оставшихся в живых его сослуживцев, не остановили продвижение немецких танков и пехоты и с оружием в руках сдались в плен [7, с. 208]. Подобные примеры дают возможность констатировать, что в период Великой Отечественной войны как контрреволюционное либо иное особо опасное государственное преступление квалифицировались практически все случаи пленения военнослужащих. Независимо от обстоятельств такого пленения эти лица признавались изменниками Родины, шпионами, диверсантами или агитаторами против советской власти и, как правило, подвергались суровому и необоснованному наказанию.

Производство по уголовным делам о государственных преступлениях, как правило, осуществлялось военными трибуналами, получившими в указанный период ряд дополнительных полномочий. Так, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» [2] в изъятие из действующих правил о рассмотрении судами уголовных дел, в местностях, объявленных на военном положении, все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передавались на рассмотрение военных трибуналов.

Так, согласно протоколу закрытого судебного заседания Военного трибунала Западного фронта от 3 апреля 1942 года по обвинению красноармейца войсковой части 9903 – Клубкова Василия Андреевича, 1923 г. рождения, в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ст. 58–1 УК РСФСР, имеющего непосредственное отношение к гибели Зои Космодемьянской. Трибунал начал свое заседание в 15 ч. 10 мин. Заседание продлилось не более одного часа, после чего был вынесен приговор (подобные процессы были типичными для военного времени, то есть они были короткими, как правило, без участия адвоката и прокурора, при минимальных процессуальных правах подсудимых).

До этого, 3 апреля, В.А. Клубков был ознакомлен с обвинительным заключением и никаких ходатайств по данному поводу не заявлял.

Военный трибунал в составе Председательствующего- военного юриста 1 ранга Боровика, а также военных юристов 3 ранга Мирошниченко и Жданова при участии секретаря – военного юриста Колбасова, разъяснили подсудимому его права во время судебного заседания. Подсудимый ходатайств и отводов по составу суда не предьявлял. Далее председательствующим было оглашено обвинительное заключение и задан подсудимому вопрос о том, понятно ли ему в чем он обвиняется и признает ли себя виновным, на что В. А. Клубков дал положительный ответ.

После этого судьей был задан первый вопрос: «Расскажите суду, когда и при каких обстоятельствах вы сдались в плен немецким солдатам?». Затем были даны следующие показания. Так, Клубков, рассказал о том, что прошел специальные курсы в разведотделе Западного фронта, после чего перешел к основному аспекту дела. Согласно его показаниям, 26 ноября 1941 г. он совместно с красноармейцами Крайновым и Космодемьянской получил специальное задание о переходе линии фронта в тыл немецких войск, расположенных в деревне Пепелище, с целью осуществления поджога домов, в которых размещались германские солдаты. Клубков пояснил: «27 ноября в деревне Пепелище я разошелся с Крайновым и Космодемьянской, пошел один в деревню, где размещен штаб немецких войск, а Космодемьянская и Крайнов пошли поджигать с другой стороны деревни дома, в которых также были немецкие войска. Не доходя дома, где был размещен штаб немецких войск в деревне Пепелище, я был замечен немецкими солдатами. Чтобы не задержали меня, я побежал в лес, но навстречу мне из леса вышло 3 немецких солдата и задержали меня ... Немецкий офицер меня начал допрашивать ... Я отвечал немецкому офицеру, и все то, что я знал, рассказал ему. Через несколько минут после моего допроса привели в штаб к немецкому офицеру Космодемьянскую. Немецкий офицер спросил меня, знаю ли я эту девушку. Я сказал офицеру, что это Зоя Космодемьянская, прислана вместе со мной с заданием диверсионного характера. Немецкий офицер в присутствии меня начал допрашивать Космодемьянскую, но Космодемьянская ничего офицеру не отвечала. Когда Зою начали избивать, то последняя сказала: «Убейте меня, но я ничего не скажу». Зою раздел офицер наголо и избивал ее до потери сознания, после чего ее вынесли из штаба, и я больше Зою не видел. Когда Зою Космодемьянскую без сознания вынесли из помещения штаба, мне офицер сказал: «Ты будешь теперь нашим разведчиком». Я согласился стать немецким разведчиком и через 2–3 дня я был направлен на курсы разведчиков в Красный Бор. Это под гор. Смоленском ... Когда я прибыл на территорию Красной Армии, то задание, полученное от немецкого офицера, я выполнять не хотел. Перешел линию фронта я 7 января 1942 г. и был задержан красноармейцами. Меня доставили в штаб одной дивизии, где я рассказал о том, что я вышел из окружения, а свою принадлежность к немецкой разведке я скрыл. Я был направлен на пересыльный пункт в гор. Москву. В гор. Москве я встретил одного знакомого из разведотдела Западного фронта, который меня взял в РО, но в разведотделе я был арестован 23 февраля 1942 г.»

Далее в судебном заседании было зафиксировано следующее:

«Председательствующий: Крайнов и Зоя Космодемьянская выполнили свое задание?»

Подсудимый: Да, они свое задание выполнили, но я по своей трусости предал Космодемьянскую.

Председательствующий: Чем вы можете дополнить судебное следствие?».

Клубковым никаких дополнений сделано не было и судебное заседание было объявлено закрытым. Последними словами подсудимого были: «Я признаю себя виновным в предательстве Зои Космодемьянской и в измене своей Родине. Свою вину осознал и прошу суд сохранить мне жизнь». В 15 часов 50 минут суд удалился на совещание. В 16 часов председательствующий огласил приговор. Именем Союза Советских Социалистических Республик Военный трибунал Западного фронта приговорил В. А. Клубкова на основании ст. 58–1 п. «б» УК РСФСР к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, без конфискации имущества за его отсутствием. Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал. Согласно существующей информации, В. А. Клубков – уроженец Рязанской

области из бедной крестьянской семьи, образование – 7 классов, на момент совершения было всего 18 лет [8, с. 190–194].

Однако, даже указанные обстоятельства не были оценены трибуналом в качестве смягчающих в силу тяжести совершенного им преступления. Виновность Клубкова была доказана, в совершении преступления он сам признался путем детального описания своих преступных действий. Очевидно, чистосердечным раскаянием подсудимый надеялся смягчить свою вину, но при этом необходимо объективно оценить напряженную обстановку, сложившуюся на фронтах войны в данный период, при которой невозможным представлялось какое-либо снисхождение.

В целом, процедура квалификации деяний, содержащих признаки государственных преступлений, особенно на прифронтовых территориях, нередко вызывала сложности у правоприменительных органов. Данное обстоятельство определяло отсутствие правовой регламентации в понимании сущности понятия места совершения преступления (оккупационная территория, тыловая территория, поле боя, территория, объявленная на военном положении и т.п.), характером совершенного преступления (например, был захвачен в плен, в состоянии ранения либо добровольно сдался, оставив оружие), формулировкой субъекта преступления (советский военнослужащий или советский гражданский человек или немецкий военнослужащий).

Таким образом, основная часть воинских преступлений, в силу чрезвычайной обстановки сложившейся в тот период, квалифицировалась как преступления против безопасности государства. Несмотря на то, что за дезертирство в военное время и за измену Родине предусматривалось одно и то же наказание – расстрел, усиление степени общественной опасности этих деяний (они рассматривались в качестве одних из самых тяжких преступлений) должно было сказаться на негативной оценке народа к подобным преступникам. В развитие указанного положения Пленум Верховного Суда СССР 25 ноября 1943 г. принимает соответствующее постановление, согласно которому «военные трибуналы квалифицируют как измену Родине всякое содействие, оказанное советскими гражданами немецким захватчикам, независимо от характера этого содействия» [9, с. 477].

Нередко принимались аналогичные разъяснительные предписания применительно и к другим составам государственных преступлений. Например, согласно письму НКЮ СССР от 15 ноября 1941 г. «О применении ч. 2 ст. 58–10 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик», предписывалось, что «...в связи с запросами о квалификации преступлений в отношении лиц, привлеченных за пропаганду или агитацию, содержащую призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти (ст. 58–10), разъясняю, что в условиях военного времени независимо от объявления местности на военном положении необходимо применять вторую часть статьи 58–10 и соответствующих статей УК других союзных республик». В данном акте обращает на себя внимание достаточно расширительное толкование понятия «условия военного времени», а что касается частей первой и второй ст. 58–10, то в них была закреплена: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. ст. 58–2, 58–9 УК), а равно распространение или изготовление либо хранение литературы того же содержания». «...Те же действия при массовых сношениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении» [9, с. 478]. Следовательно, законодатель пытается предельно четко определить некоторые факультативные признаки объективной стороны, такие как место и обстановку совершения преступления, где под военной обстановкой понимается непосредственно фронтовая территория, а объявление военного положения подразумевает его объявление на конкретной территории.

Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что такое положение является достаточно противоречивым. Однако не следует чрезмерно критически оценивать такое разъяснение, которое имело право на свое существование в силу сложившейся чрезвычайной обстановки в государстве. В подобной обстановке не представлялось возможным

разрешить создавшуюся коллизию путем применения инструментов юридической техники, что являлось характерным для мирного времени.

Согласно Приказу Прокурора СССР от 15 мая 1942 г., было дано соответствующее толкование в части процедуры квалификации преступлений, совершенных лицами, которые перешли на сторону врага в районах, оккупированных немецко-фашистскими войсками [9, с. 48]. Указанным актом предписывалось, что «в ряде случаев лица, перешедшие на службу к немецко-фашистским захватчикам, выдававшие партизан, коммунистов и советский актив, проявившие жестокое обращение с населением временно захваченных районов, привлекались к ответственности не как изменники Родины, а по ст. 58–3 УК РСФСР («Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады»). Однако из судебной практики, известны случаи привлечения за подобные деяния к ответственности по ст. 58–1 «а» УК РСФСР («Измена Родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территорий, а именно: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу»), ...лиц, хотя и занимавших при оккупантах административные должности, но оказывавшие помощь партизанам, подпольщикам, саботировавшие требования немецких властей.

С целью устранения возникшей коллизии, Прокурором СССР предписывалось: «1. Советских граждан, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам, а также выполнявших указания немецкой администрации по сбору продовольствия, фуража и др. для нужд немецкой армии, по восстановлению промышленных и коммунальных предприятий, равно другими действиями помогавших немецко-фашистским оккупантам; шпионов, провокаторов; доносчиков, уличенных в выдаче партизан, коммунистов, комсомольцев, советских работников и их семей; участвовавших в разведке и боевых действиях против партизанских отрядов и частей Красной Армии; принимавших участие в работе карательных немецких органов – привлекать к ответственности по ст. 58–1 «а» УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. 2. Не привлекать к уголовной ответственности: а) советских граждан, занимавших административные должности при немцах, если в процессе расследования будет установлено, что они оказывали помощь партизанам, подпольщикам и частям Красной Армии или саботировали требования немецких властей, помогали населению в сокрытии запасов продовольствия и имущества или другими способами активно содействовали борьбе с немецко-фашистскими оккупантами; б) рабочих и мелких служащих административных учреждений и лиц, занимавшихся своей профессией (врачи, агрономы, ветеринары и т.д.), если в результате тщательного расследования будет установлено, что в их действиях отсутствовали признаки, перечисленные в пункте I настоящего приказа». Следовательно, этим самым всячески пресекались случаи безосновательного привлечения граждан СССР к указанной ответственности в силу лишь подозрения в оказании помощи врагу. Также предписывалось, что при отсутствии отягчающих обстоятельств, добровольную явку с повинной виновных лиц следовало рассматривать в качестве смягчающего вину обстоятельства. Причем уголовные дела о государственной измене для дальнейшего их производства направлялись в военные трибуналы либо в Особое совещание НКВД СССР.

В первые годы войны судебно-следственной практикой особое внимание уделялось проблеме квалификации деятельности командиров, действия которых содержали признаки общественно-опасных деяний, совершенных в боевой обстановке. В силу чего была подготовлена совместная Директива Народного Комиссара Юстиции СССР и Прокурора СССР от 31 июля 1942 г. «О квалификации действий командиров, комиссаров и политработников, привлеченных к суду за самовольное отступление с боевой позиции без приказа вышестоящих командиров и пропаганду дальнейшего отступле-

ния частей Красной армии, и сроках расследования этой категории дел» [9, с. 483–484]. Согласно данному нормативному акту, устанавливалось, «... что во исполнение приказа Народного Комиссара Обороны тов. И. В. Сталина № 227 (известный приказ наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г., имевшего название «Ни шагу назад!») предлагаем: 1. Действия командиров, комиссаров и политработников, привлеченных к военному суду командующими и военными советами фронтов за самовольное отступление с боевой позиции без приказа вышестоящих командиров, квалифицировать по ст. 58–1 «б» УК («Измена Родине, совершенная военнослужащими»). Расследование по этим делам проводить в срок 48 часов. 2. Действия лиц, преданных суду военного трибунала за пропаганду дальнейшего отступления частей Красной Армии, квалифицировать по ст. 58–10 ч. 2 УК РСФСР («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания, совершенные при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении») [10, 73–75].

Следовательно, в качестве преступлений против государства могли квалифицироваться и действия лиц дезертировавших из рядов Красной Армии, которые впоследствии создавали бандитские формирования или занимались повстанческой деятельностью. Такая проблема стала возникать по мере накопления дезертиров в течение первоначального периода войны. Причем, такие лица не только открыто отказывались воевать на стороне Вооруженных сил СССР, но и участвовали в открытых вооруженных противостояниях с подразделениями Красной Армии. Согласно создавшейся обстановке, 29 ноября 1942 г. Главным военным прокурором и начальником Главного управления военных трибуналов было дано соответствующее Разъяснение [9, с. 489–490].

Данным правовым предписанием устанавливалось, что Постановление ГКО от 11 октября 1942 г., предусматривающее ответственность дезертиров, занимающихся повстанческой деятельностью либо бандитизмом по 58–1 «б» УК РСФСР (измена Родине, совершенная военнослужащими), обратной силы не имеет. Лиц этой категории, задержанных до 11 октября 1942 г. следовало привлекать к ответственности по ст. 193–7, п. «г» (самовольное оставление части, совершенное в военное время при отягчающих обстоятельствах) и соответственно по ст. 59–3 (бандитизм) либо по ст. 58–2 УК РСФСР (вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственного отторжения от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры).

Очевидным представляется и обстоятельство, согласно которому преступление против порядка несения воинской службы требовалось квалифицировать в качестве государственного преступления. В части ответственности дезертиров, занимающихся бандитизмом или повстанческой деятельностью, предписывалось привлекать их к ответственности по правилам совокупности: как соучастников по ст. 17 УК в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ст. 58–1 УК, а за недонесение – по п. «г» ст. 58–1 УК (Недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене) либо ст. 58–12 УК (недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении) при условии, что им известно о повстанческой либо бандитской деятельности лиц, которых они укрывают.

Насколько трудным оказался процесс квалификации преступлений против государства, совершенных военнослужащими в чрезвычайной обстановке свидетельствует то обстоятельство, что, к примеру, из общего количества дел находящихся в юрисдикции Северного (Ленинградского) фронта в период Великой Отечественной Войны, в порядке надзора было изменено 16 % приговоров военных трибуналов, что, соответственно, составляет значительную часть из общего количества уголовных дел данной категории

[11, с. 11]. Однако и после завершения войны подобные пробелы продолжали устраняться, но уже в порядке процесса реабилитации незаконно репрессированных советских граждан.

Выводы и предложения. Таким образом, с момента начала Великой Отечественной войны советское правительство предельно четко формулирует основную, концептуальную доктрину в области управления и борьбы с государственной преступностью. Так, кардинальным образом был трансформирован целый ряд положений уголовного законодательства, где основные изменения сконцентрированы были, главным образом, на повышение роли репрессивной составляющей уголовного наказания, причем данное обстоятельство в большей степени выражено в районах активных боевых действий. Подобные меры находят свое объяснение в том, что уголовное законодательство того периода приобретало признаки чрезвычайного законодательства – законодательства военного времени. В связи с этим, некоторые нормы носили временный характер – действовали лишь на период войны, например, Закон «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» [1].

В указанный период происходит становление новых видов преступных деяний, в том числе широко практикуется криминализация административных правонарушений и дисциплинарных проступков, тем самым устанавливаются новые форматы в оценке общественно-опасных деяний направленных против безопасности государства.

Рассмотренные выше положения дают возможность установить, каким образом осуществлялось, в указанный период, противодействие общественно опасным деяниям, многие из которых законодателем того периода приравнивались к государственным преступлениям. Ведь следует признать, и это представляется более чем очевидным, что законодатель того периода большинство, из рассмотренных ранее, деяний в военное время квалифицировал как измену Родине – тягчайшее преступление против государства. Однако следует обратить внимание не только на исключительную строгость репрессивных мер к изменникам Родины как к лицам, совершившим особо тяжкое преступление против государства, но и на те перегибы, связанные с применением столь суровых санкций, особенно в части их применения по отношению к военнослужащим, которые зачастую оставляли свои позиции в силу явного превосходства сил противника, что в последствии приводило к обвинению их в измене Родине. Так как выяснилось в ходе более позднего расследования, генерал В. Я. Качалов не был пленен немецкими войсками, а погиб с оружием в руках 4 августа 1941 г. Также не сдались в плен генералы П. Г. Понеделин и Н. К. Кириллов, которые были захвачены превосходящими силами противника в процессе боевых действий при выходе из окружения. Указанные обстоятельства, к великому сожалению, прояснились лишь после войны, а тогда, в боевой обстановке, сдавшийся в плен советский солдат, как правило, признавался виновным в совершении государственной измены и, соответственно, большинство наших солдат после освобождения из вражеского плена были отправлены в лагеря для отбывания наказания как изменники Родины.

Список использованной литературы

1. Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения: Указ Президиума Верховного Совета СССР (Указ от 6 июля 1941 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР, 1941. № 32.
2. Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления) // СЗ СССР. 1927, № 12. ст. 123.
3. О военном положении: Указ Президиума Верховного Совета СССР (Указ от 22 июня 1941 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР, 1941. № 29.
4. Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну: Указ Президиума Верховного Совета СССР (Указ от 15 ноября 1943 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР, 1943. № 49.
5. Об образовании Государственного Комитета Обороны (от 30.06.1941 г.): Постановление Президиума Верховного Совета СССР // Сборник законов СССР и указов Президиумов Верховного Совета СССР 1939–1944 гг. М., 1945. С. 41.

6. Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР с 23 июня по 31 декабря 1941 г. / Под ред. И. Т. Голякова. Чкалов: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1942. 350 с.
7. Панков С.А. «Контрреволюционная преступность» и особенности ее подавления в Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Урал и Сибирь в сталинской политике / Сб. статей. Новосибирск: Хронограф, 2002. С. 206–211.
8. Лубянка в дни битвы за Москву: материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М.: Издательский дом «Звонница – МГ», 2002. 480 с.
9. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. Т. 5. Советское государство. / отв. ред. И. А. Исаев. М.: Мысль, 2003. 677 с.
10. Приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 227 от 28 июля 1942 г. («Ни шагу назад!») // Военно-исторический журнал, 1988. С. 73–75.
11. Обухов В. В. Правовые основы организации и деятельности военных трибуналов войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01/ Обухов В. В. М., 2002. 228 с.

References

1. On responsibility for the spread of false rumors in wartime that arouse alarm among the population: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR (Decree of July 6, 1941) // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR, 1941. No. 32. [in Russian].
2. Regulations on state crimes (counter-revolutionary and especially dangerous crimes against the order of management of USSR) // SZ USSR. 1927, no. 12. Art. 123. [in Russian].
3. On martial law: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR (Decree of June 22, 1941) // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR, 1941. No. 29. [in Russian].
4. On responsibility for disclosing state secrets and for the loss of documents containing state secrets: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR (Decree of November 15, 1943) // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR, 1943. No. 49. [in Russian].
5. On the formation of the State Defense Committee (from 30.06.1941): Resolution of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR // Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidiums of the Supreme Soviet of the USSR 1939–1944. M., 1945. P. 41. [in Russian].
6. Collection of Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the USSR from June 23 to December 31, 1941 / Ed. I. T. Golyakova. Chkalov: Legal publishing house of the NKYu USSR, 1942. 350 p. [in Russian].
7. Pankov S. A. (2002). “Counter-revolutionary crime” and features of its suppression in Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945) // Urals and Siberia in Stalinist politics / Sat. articles. Novosibirsk: Chronograf, S. 206–211. [in Russian].
8. Lubyanka in the days of the battle for Moscow: materials of the state security agencies of the USSR from the Central archive of the FSB of Russia. Moscow: Zvonitsa Publishing House – MG, 2002. 480 p. [in Russian].
9. Kutafin O. E., Lebedev V. M., Semigin G. Yu. (2003). Judicial power in Russia: history, documents: in 6 volumes. V. 5. Soviet state. / resp. rev. I. A. Isaev. Moscow: Mysl', 677 p. [in Russian].
10. Order of the People's Commissar of Defense of the USSR No. 227 of July 28, 1942 (“Not a step back!”) // Military History Journal, 1988. P. 73–75. [in Russian].
11. Obukhov V. V. (2002). The legal basis for the organization and activities of the military tribunals of the troops of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945. (Historical and legal research): dis. ... Cand. jurid. Sciences: 12.00.01 / Obukhov V. V. [in Russian].

Статья поступила 15.05.2021 г.

О. А. Чуваков, докт. юрид. наук, профессор, завідувач кафедри
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
Кафедра кримінального права, кримінального процесу і криміналістики
Французький бульвар, 24/26, Одеса, 65058, Україна
e-mail: olehchuvakov@gmail.com
ORCID: orcid.org/0000-0001-9983-8943

КОНЦЕПТУАЛЬНІ ЗАСАДИ КВАЛІФІКАЦІЇ ДЕРЖАВНИХ ЗЛОЧИНІВ У РОКИ ВЕЛИКОЇ ВІТЧИЗНЯНОЇ ВІЙНИ

Резюме

У статті досліджено проблемні питання кваліфікації злочинів проти державної безпеки в роки Великої Вітчизняної війни. Констатується, що законодавство розглянутого періоду характеризувалося ознаками надзвичайного законодавства – законодавства во-

енного часу, у зв'язку з чим багато нормативних приписів носили тимчасовий характер – діяли лише на період війни. Аргументується, що в досліджуваному періоді широко застосовується практика криміналізації адміністративних правопорушень та дисциплінарних проступків, чим були встановлені нові формати в оцінці суспільно-небезпечних діянь спрямованих проти безпеки держави.

Ключові слова: законодавство, злочини, кримінальна відповідальність, бойові дії, військовий стан, війна, державна безпека, кваліфікація, зрада Батьківщині.

O.A. Chuvakov, Doctor of Juridical Sciences, Professor
Odessa I.I. Mechnikov National University
Head the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics
Frantsuzskiy Boulevard, 24/26, Odessa, 65058, Ukraine
e-mail: olehchuvakov@gmail.com
ORCID: orcid.org/0000-0001-9983-8943

CONCEPTUAL BASIS FOR CLASSIFYING STATE CRIMES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Summary

The article explores problematic issues of defining crimes against state security during the Great Patriotic War. It is emphasized that, from the very beginning of the Great Patriotic War, the government of the USSR in a certain way formulates the main, conceptual doctrine in the field of management and combating state crime, in connection with which a number of provisions of the criminal legislation were radically transformed, where the main changes were mostly concentrated to increase the role of the repressive component of criminal punishment, and this circumstance was even more pronounced in areas of active hostilities.

It is stated that the legislation of the reviewed period was characterized by signs of emergency legislation – wartime legislation, in connection with which many regulatory prescriptions were of a temporary nature – they were valid only for the period of the war. It is argued that in the studied period, the practice of criminalizing administrative offenses and disciplinary offenses is widely used, which established new formats for assessing socially dangerous acts against the security of the state.

The provisions considered in the article make it possible to establish how, during the specified period, counteraction to socially dangerous acts was carried out, many of which were equated with state crimes by the legislator of that period. After all, it should be recognized, and this seems more than obvious, that the legislator of that period qualified most of the previously considered acts in wartime as treason to the Motherland – a grave crime against the state.

Keywords: legislation, crimes, criminal responsibility, hostilities, martial law, war, state security, qualification, treason.